

Любовь Никонова

(1951 – 2012)

Её поэтический голос был слышен далеко за пределами Кузнецкого края. Читающей России она известна по публикациям в журналах «Новый мир», «Москва», «Роман-газета», «Наш современник», «Сибирские огни», «Алтай», «Сибирские Афины» и многих других. Её называли самой талантливой женщиной-поэтом Сибири, а её стихи – самыми возвышенными и тревожными.

Родилась в селе Владимировка Куйбышевской области (ныне Самарская область). В 1966 году переехала в Новокузнецк. Училась в средней школе № 93. После окончания Новокузнецкого государственного педагогического института (факультет русского языка и литературы) работала учителем в селе Ваганово Промышленновского района Кемеровской области.

Вся трудовая и творческая биография Любови Алексеевны Никоновой неразрывно связана с жизнью города Новокузнецка. Работала учителем литературы, научным сотрудником литературно-мемориального музея Ф.М. Достоевского, сотрудником Православного Духовного училища имени святых равноапостольных Кирилла и Мефодия. Многие годы успешно сотрудничала с журналом «Огни Кузбасса», являлась членом редколлегии этого издания. Произведения Л.А. Никоновой регулярно печатались на страницах альманаха «Кузнецкая крепость».

Главным делом своей жизни она считала поэзию. Первую книгу стихов «Скрипичный ключ» издала ещё студенткой, встретив участие и поддержку замечательных сибирских поэтов Е.С. Бурявлева и И.М. Киселева. В 1985 году принята в Союз писателей России.

Любовь Никонова – автор более 20 поэтических сборников и двух книг прозы (повестей, рассказов, эссе, очерков). Ядром опубликованных поэтических и художественно-публицистических произведений являются образы и символы духовной жизни России, её истории и современности. Произведения Л.А. Никоновой включены в хрестоматию для общеобразовательных учреждений Кемеровской области «Писатели Кузбасса. Проза. Поэзия» (2007), в книгу духовной поэзии кузбасских авторов «Собор стихов» (2005), в антологию «Русская сибирская поэзия. XX век» (2008).

Известный педагог и популяризатор литературного наследия поэтессы Анатолий Семёнович Сазыкин назвал творчество Любови Никоновой поэзией «необычайной моральной силы и красоты» «с глубоким содержанием провинциальной жизни». В своих публичных лекциях он регулярно подчёркивает, что эта поэзия во многом превосходит более известных современных поэтов «глубиной, истинностью, самобытностью поэтического таланта» и даром «в высшей степени скромного человека». Она была глубоко духовным человеком, свет её души и сердечная доброта согревали всех, кто с ней когда-либо соприкасался.

«И душа проходила сквозь мир...»

* * *

Я лежала на тёплой земле.
Нежным маревом флоксы дымились.
А в душе, будто в солнечной мгле,
Золотые частицы струились.

То ли это сознанья поток?
То ли чувственность в истинном свете?
То ль духовный прорыв на восток?
То ль мои незачатые дети?

Подлетали вплотную шмели.
В них природные силы гудели.
И растения жизни цвели
Сплошь и рядом, и в духе, и в теле.

И душа проходила сквозь мир
Вереницей любовных посланий,
Золотой оставляя пунктир
На пределе своих сверхжеланий.

ОБОСОБЛЕННОМУ ПОЭТУ

В неизвестной долине меж гор
Ты поставил свой белый шатёр.
Он возник, как внезапная блажь.
Он светился, как тонкий мираж.
Он струился, как дирижабль.
Он кричал, как влюблённый журавль.
Но ходили сквозь светлую тьму
Только снежные люди к нему.

МУСОРГСКИЙ

Прислушался он – и услышал
дыхание смутных времён.
Внял голосу сытых и нищих –
И музыку выявил он.
То пенье. То смех. То ворчанье.
То тихо. То сдержанный гром.
Венчанье Бориса. Венчанье
на царство. И смута кругом.
И слухи. И рокот кровавый.
Зевак и юродивых – тьма.
Свет солнца – тяжёлый и ржавый.
Затмение душ и ума.
На каждом шагу – самозванцы.
Лжецарства и псевдоцари.
То вспыхнет, то меркнет сознание
от скрытых толчков изнутри.
И в то, что уловлено слухом, –
чрез ноты – вложил он себя,
Россию и сердцем, и духом
то гневно, то скорбно любя.
О, удадь! О, горечь! О, жалость!
Сожги, изведи, сокруши!
И тело его разрушалось,
уже не вмещающая души.
И он перед мглой дальнейшей
сказал живописцу: «Пора.
Пиши меня, Репин светлейший,
от мыслей святых – до нутра»...
Тот выписал грузное тело,
отёчную тяжесть лица –
и выразил душу, что пела
и петь обреклась до конца;
всю драму природы широкой,
последнюю бурю в крови...
И взор, что исполнен глубокой –
одной, безотказной любви...

(1984 г.)

* * *

Летел, летел собор над лесом,
Над глухоманью, над зимой,
Не отягчённый больше весом,
Уже расставшийся с землёй...

Струился он над русской стужей
Сияньем ликов и очей,
Последней всенощною службой
И теплотой своих свечей...

И кем опознан? Кем угадан?
Кто этой Церкви Божьей внял?
Лишь тонкий-тонкий синий ладан
Страну Россию наполнял...

* * *

Опустишь, светоносец, загадочный диск,
Опустишь ещё раз. Это даже не риск.
Я верчу и верчу марсианский волчок,
Я гляжу и гляжу в твой зелёный зрачок.

Под твоей оболочкой из тонкой слюды –
Зеленеющий рай идеальной среды.
Заселён этот рай – светозарный, большой –
Совершенной, одной, коллективной душой.

Это братья мои. Мы в разлуке давно.
И вернуться туда мне уже не дано.
За какой-то проступок (не помню, какой)
Отлучили меня – и закрыли за мной.

(1985 г.)

* * *

Весною, охочей добратся до сердца
И тронуть его, будто чуткий прибор,
Спустились с холма городские пришельцы
В вечерний, водою затопленный бор.

Предстала пред ними планета другая:
При свете таинственной тусклой зари
Стояли на бледной воде, не мигая,
Надутые духом лесным пузырями.

Иные взрывались, в сырую природу
Воздушные души свои выводая,
И, с нежностью булькая, падали в воду
С деревьев блестящие капли дождя.

И, трезвым умом попадая под чары
Того, что текло – ясной мысли верней,
Смотрели пришельцы на брачные пары
Сверкающих капель и пузырей.

* * *

Был вечер на окраине страны.
Грачи летели в сторону Луны,
И мать следила старыми очами
За этими летящими грачами.
И было не светло и не темно.
И всё вокруг почти обнажено,
Поскольку осень поздняя хотела,
Чтобы пространство странно опустело...
Лишь стая птиц бестрепетно текла
Над кровлями пустынного села –
Расходуя намеченную силу,
К ночному шла холодному светилу.
И матушка стояла на крыльце
С невыразимой грустью на лице.
Её оставив осенью одну,
Летела птичья стая на Луну.

* * *

Развесели нас, ветерок.
На землю, где живём, страдая,
Примчись из радужного рая
Хотя бы на недолгий срок.

И промокни кровавый пот.
И осуши болезных слёзы.
Благоуханьем райской розы
Порадуй нищих и сирот.

Скажи: «Чтоб больше не страдать
И не сходить с оси и с круга,
Родные, Божью благодать
Не отбирайте друг у друга!»

И страшных язв и ран коснись
Благословенными перстами,
И над российскими местами
Уйди свечой горящей ввысь...
(1998 г.)

О, АНГЕЛ...

«О, ангел, не летай во ад, –
Ему твердили небожители. –
Средь удушающих громад
Утратишь свет своей обители.
В духовный смог не погружай
Свою чистейшую субстанцию.
Не заноси на крыльях в рай
Тяжёлый шлак и радиацию»...

Но слишком сильно он хотел
Вступить на роковое поприще –
И безоглядно полетел
Спасать взывающих о помощи.
Не говорю, что стало с ним,
Как жил больной, полузамученный,
И что сказал умам земным
Своей судьбою неизученной...
(1999 г.)

* * *

Пролегла сквозь пространство дорога –
Позвала в те края, где светло...
И движенье волною восторга
Жизнь, и душу, и мысль обожгло.

Развернулся загадочный свиток –
И вполне обозначился в нём
Бесконечного счастья избыток,
Золотого блаженства объём...

(2001 г.)

* * *

Как много розовых цветов:
Люпинов, лилий, нежных маков!
Ум человеческий готов
Расшифровать узор их знаков.

Мысль проникает внутрь цветка,
В нём с наслаждением замирая, –
И ей становится близка
Загадка и разгадка рая.

Пускай изнемогает плоть –
Но мысль работает как надо,
И видит сквозь пыльца щепоты
Небесный свет земного сада.

* * *

Душа витает в облаках,
Но путь свой знает досконально.
Во всех пространствах и веках
Она отражена зеркально.

И видит с высоты она,
К заветной прикасаясь тайне,
Кому, как свет и хлеб, нужна,
А с кем дружить не в состоянии.

Летит к друзьям, бежит врагов
И слышит в даях белоснежных
Зов материнских берегов
В объятьях отческих безбрежных...

* * *

Улыбнись, моё сердце неюное,
На свою многолетнюю блажь.
За цветение это безумное
Ты себя до кровинки отдашь.

Изнутри озаряясь трагичностью,
Ты стоишь в светозарной мольбе
На коленях пред сильною личностью,
Много раз отказавшей тебе.

Как горят потрясённые атомы!
Как трепещут твои лепестки!
Увлажняют их капельки алые,
Что слезам по значенью близки.

Ты сильнее, ты блистательней разума,
Ты богаче рассудка в сто крат...
И тебе будет снова отказано,
Как вчера, как мгновенье назад...

(2002 г.)

* * *

Имеет каждый волк свою луну.
И по холмам она за ним петляет.
И, нарушая в мире тишину,
Ночную песню волк ей посвящает.

Страдающий охвачен организм
Волшебной властью лунного свечения.
И слышен в песне крайний пессимизм –
Как признак безнадёжного влечения.

Среди светил, среди миров и звёзд
Что есть луна? – находка иль потеря?..
Так говорит в тоске поджатым хвост
Луною зачарованного зверя.

(2009 г.)

* * *

Стрижи и ласточки. Луна.
И светлый вечер нескончаем.
И представляется весна
Лазурным безграничным раем.

Но мы, пришедшие сюда
Из обществ, повреждённых смутой,
Не насладимся никогда
Ни веком счастья, ни минутой.

Слепой борьбой обожжены,
Мы недоверчивы и дики.
И лиц черты напряжены
В пронзительном беззвучном крике.

И голос искренней любви
Нам кажется почти подвохом.
И потускнеет рай в крови
И зарастёт чертополохом...

Но может быть, одна душа
Поверит Божеству и раю
И скажет, нежностью дыша:
«Господь, я мир Твой принимаю!

Я буду жить Тобой всерьёз!
Я отвергаю цель иную
И, не стыдясь отрадных слёз,
Стопы Пречистые целую...».

Стрижи и ласточки. Луна
Ветвей весенних шёлк и влага.
И чья-то жизнь полным-полна
Избытком радости и блага.

* * *

Научусь незаметно смиренью
В свете солнца иль в тонкой тени,
И цветущей церковной сиренью
Постепенно украсятся дни.

И бушующих мыслей угрозы,
И страстей неизбывных моря,
И конфликтов мятежные грозы
Не сильнее, чем покорность моя.

Но не случаю я повинуюсь,
Не стихиям вверяю свой путь.
И вчера промелькнувшую юность
Не стараюсь обратно вернуть.

Не ищу дополнений к здоровью,
Мне неведом богатства секрет.
Но живу только Божьей любовью –
Для неё невозможного нет.

* * *

К тебе летят сияющие птицы.
Их обгоняют сказочные ветры.
Меж небом и землею, на границе,
Цветут, как свечи, золотые вербы.

Вокруг тебя, пронизанные светом,
Сидят зверьки с янтарными глазами.
Они, подобно эльфам и поэтам,
От счастья плачут нежными слезами.

Не помня дней недобрых или мрачных,
Желая петь, ликуя, словно птица,
Войду я в круг существ светопрозрачных
И попрошу немного потесниться.

И, проникаясь светлым приобщеньем,
Твой образ буду созерцать я долго
И жить одним глубоким ощущеньем –
Смиреньем, доведённым до восторга.

